

Против всех

... Они пребывают в состоянии, которое называется войной, и это война всех против всех.

Т.Гоббс. Левиафан

Известно, что выборы в Украине очень напоминают настоящее стихийное бедствие. То есть речь идет не столько о высоких постах (или составе каких-либо органов власти), сколько о судьбах страны. Чтобы осмыслить эту проблему, нужно по-настоящему присмотреться к выборам, но задаваясь вопросом, не за кого проголосуют, а кто и, главное, почему. Здесь в нашем распоряжении будет определенный материал, охватывающий общество в целом и способный многое о нем рассказать.

Кстати, поначалу кажется, что проблема возникла с разделением страны (едва ли не пополам) в понимании дальнейшего движения. — На Запад или на Восток? Но в итоге выяснилось, что выбор одного направления еще не означает согласия и примирения, поскольку внутренние, так сказать, распри при этом оказываются еще более острыми. И истоки вражды нужно искать гораздо глубже.

Но все же к вопросу о Западе или Востоке имеет смысл еще вернуться. Не так давно считалось, что выбор и не нужен, а собственно наше предназначение — это хитрое балансирование, если не посредничество, между Европой и Россией. Однако все современные события лишь доказали, что выбор неизбежен, а направления этого выбора не просто разные, — они глубоко несовместимы. Именно здесь и обнаружилась крайне острая проблема, ведь общество разделилось на части с абсолютно разными взглядами. Понятно, что подобное состояние весьма зыбко. В этом смысле интересно, что отмечает Дюркгейм: “... имеется определенный минимум логического конформизма, без которого общество не может обходиться. Именно поэтому оно наваливается всей своей властью на своих членов, дабы предотвратить раскол...” [Дюркгейм, 2002: с. 19]. Впрочем, у нас этот раскол предотвратить не удалось.

Объяснить такое положение дел можно только, учитывая нынешнюю типично *переходную* эпоху... В подобные эпохи еще вчера весьма успешные,

казалось бы, люди могут вдруг оказаться “вне игры”. Эту ситуацию описывает Норберт Элиас в классическом исследовании процесса цивилизации: тут внутри прежнего, еще феодального мира все более заметными оказываются уже новые рыночные отношения, и, конечно же, традиционные классы общества не готовы к таким условиям существования. “Помещики, как и крестьяне, в основном не понимают этих перемен и зачастую воспринимают их с ненавистью...” [Елиас, 2003: с. 369].

Разумеется, подобные настроения нам и правда знакомы. Но сейчас, внутри своего времени, мы вряд ли чувствуем, что попали в период колоссального, разностороннего по своим измерениям слома. — Между экономикой “плановой” и рыночной, между “империей” и независимостью, между “азиатской деспотией” и демократией, между “интернационализмом” и национальным сознанием...

Впрочем, одно дело — общие рассуждения, и совершенно иное — социальное и личное самочувствие. Нужно признать, что на сугубо человеческом уровне подобные изменения переживаются очень тяжело, прежде всего вспомним о массовой бедности. Но, пожалуй, еще острее ощущается нечто вполне экзистенциальное, сама потеря чувства устроенности и болезненное выпадение из привычного порядка своей жизни. Более того: выпадение из любой общественной и профессиональной определенности... По сути, можно говорить о своеобразном “деклассировании”, хотя обычно это слово употребляют применительно к маргинальным “элементам”, но здесь речь идет о массовом, задевающим целые слои населения явлении.

Кстати, даже те, кому удалось приспособиться к рыночному миру, не чувствовали себя защищенными, ведь там существовали свои требования, так что все, кто не мог их выполнять, тоже выпадали из этого нового порядка. Это отмечено даже у Макса Вебера в известном произведении о “духе капитализма”. — “Фабрикант, долгое время пренебрегающий этими нормами, потерпит крах так же неминуемо, как и рабочий, который не хочет или не может к ним приспособиться и в итоге оказывается безработным на улице” [Вебер, 2018: с. 53].

Примечательно, что это похоже на ситуацию, описанную у Элиаса, — речь шла о помещиках и крестьянах, которые, по-видимому, в равной мере не воспринимали новые условия. Но ведь у Вебера то же самое: тут фабрикант и рабочий, которые не способны выполнять эти условия, оказываются “вне игры”. Поэтому существуют отдельные случаи, где классовая, так сказать, логика не действует. И “антагонистические” вроде бы “классы” попадают в один и тот же переплет. Это действительно “деклассирование” (прежде всего в смысле отказа от представления о классах); мы видим, что такое выпадение из устоявшегося порядка может быть довольно массовым и не сводится к исключениям.

Кроме того, можно вспомнить, что даже в марксизме, где как раз и возникло классовое учение, была своего рода лазейка для подобного выпадения. — Конечно же, речь идет о “люмпен-пролетариате”, “этом пассивном продукте гниения самых низких слоев старого общества” [Маркс, Энгельс, 1959: с. 419]. Кстати, следует напомнить, что немецкое слово *Lumpen* означает “тряпьё”, “лохмотья”.

Кажется, это значение очень просто объясняет, что речь идет о бедности. Но сейчас все чаще встречается совсем иное толкование, не очень связанное

с имущественным. Прежде всего, если говорят о “люмпенизации” общества, это касается опять-таки и бедных, и весьма небедных, ведь существенный момент здесь явно не в этом — скорее это та масса людей, которые вообще не чувствуют себя принадлежащими к социуму...

Возможно, это самая глубокая ныне проблема в Украине. За невиданными ранее судьбоносными изменениями очень легко не заметить таких явлений, которые немедленно ощущаются на повседневном уровне. И сразу же нужно говорить об упомянутом уже выпадении из устоявшегося порядка. И о тяжелом чувстве, что ты остался наедине со всеми своими проблемами. Конечно, все искали надежное место в уже новой жизни — кто-то успешно, кто-то не очень. Но на самом деле все в основном понимали, что старое уже ушло и нужно самому заботиться о себе. Именно так и появилась сосредоточенность на себе и неспособность осмыслить свою судьбу, представляя себе положение в стране.

Кстати, любопытно, что это давняя наша примета, известная по поговорке “моя хата с краю...” И возникает эта черта, без сомнения, исторически, ведь столетия чужой власти и жизни в империи не могли не сказаться на обычаях украинцев. — Все общественное и прежде всего “официальное” не вызвало тут особого уважения. Поэтому внимание сосредоточилось на частном и личном. В наше время подобные настроения только усиливаются.

Но, может, еще интереснее оказывается смещение этих акцентов уже во всем мире. Ведь даже в случае сугубо публичной процедуры (что заметно именно на выборах и референдумах) все больше людей действительно руководствуются не общими интересами, а чем-то личным, а то и эмоциональным. И снова нельзя сказать, что речь идет о маргиналах, ведь упомянутые настроения все чаще преобладают — то есть речь идет о *большинстве*. Кроме того, сегодня такое случается и на Западе, причем зачастую это ведущие страны мира. Так почему бы в таком случае не предположить о начале уже новой, незнакомой нам эпохи?

Вспомнив о ситуации на Западе, очевидно, следует отметить, что она была заложена тут в самых основаниях. — Это общество исходило из индивида, совершенно отдельного, да еще и свободного человека, поэтому право иметь свою точку зрения считалось существенным и неоспоримым. Правда, при этом предполагалось (хоть и неявно), что люди имеют одинаковые (или по крайней мере рациональные) основания своих представлений или тот “определенный минимум логического конформизма”, о котором говорит Дюркгейм. Следовательно, любая точка зрения не будет выходить за пределы общей, так сказать, приемлемости. Но пришло время, когда все “общие понятия” — не столько в логическом, сколько в *социо*-логическом смысле — очень сильно обесценились. Поэтому люди теперь руководствуются настроениями и эмоциями.

Эта утрата чего-то объединяющего, очевидно, еще ждет своего исследователя. Нет ни малейшего сомнения: здесь речь шла о множестве разных обстоятельств, но, конечно, следует вспомнить и господство либерализма на Западе, и распространение миграции, и виртуальную природу нашего времени, — когда мы воспринимаем все события только с экрана своего компьютера, телевизора, телефона...

Все указанные факторы, какими бы разными они ни были, вызывают одно и то же. Сосредоточенность на самом себе. Но сильнее всего к этому

подталкивает сама жизнь, само “общество потребления”. Ведь непрерывная реклама товаров (и, наверное, созерцание уже купленных другими) не может не направлять мысли к чему-то личному и эмоциональному, пусть даже в виде понимания, что тебе эти товары не нужны (или же не доступны).

Конечно, люди все больше чувствуют себя обособленно и отстраненно. Примечательно в этом смысле слово *junk*. В английском это “тряпье” или обрезки старых канатов. То есть нечто очень схожее с немецким *Lumpen*. Но сейчас, в нынешнем употреблении, о “джанк” говорят, когда случается что-то явно беспорядочное и не слишком ценное, к примеру, как в сочетании *junk food*, что означает “есть урывками и что попало”, либо *junk mail*, то есть почтовый мусор, “спам” (электронный или бумажный). И складывается впечатление, что это “джанк” описывает нечто важное для нового общества, где человек основывается только на собственном, весьма ограниченном понимании.

Нечто похожее происходит практически везде... Впрочем, в случае с Украиной, когда речь идет о глубоких общественных изменениях, все гораздо острее и острее. Ведь общие для всех представления не то что подорваны — фактически они отсутствуют. На любой вопрос здесь существует несколько ответов, горячо конфликтующих друг с другом. Конечно, это все следствия перехода между исторически несовместимыми, как уже очевидно, мирами.

Для нас эта ситуация “джанк”, или человеческая обособленность, действительно была более острой. Достаточно упомянуть о выпадении из привычной жизни. Кстати, это выпадение становится причиной чувства, о котором нельзя не сказать. По сути, речь идет о чем-то подобном *ressentiment*, если сослаться на Ницше. В украинском переводе “Генеалогии морали” [Ницше, 2002], где и появилось это понятие, его толкуют как “озлобление”.

Но нужно сказать, что в оригинале (немецком) это слово, *ressentiment*, уже сразу было выписано по-французски, так что лучше его не “переводить”. Ему нет точного соответствия в других языках, потому и пишут его именно так. Впрочем, сегодня это слово не требует объяснения — оно действительно стало понятием, играющим важную роль в современном мышлении. Для примера можно вспомнить интересные работы нидерландского философа Сиббе Шаапа.

Отмеченное сейчас явление возникает из какого-то личного неудовлетворения; при этом уже не важно, что именно послужило причиной. — Важно ощущение (и осознание) себя обиженным, а значит — жертвой... “Речь не о том, — поясняет Шаап, — является ли человек жертвой в прямом смысле этого слова, а скорее о понимании человеком себя как жертвы, как раз об этом ощущении, которое вызывает волну укоров” [Шаап, 2015: с. 24]. Ясное дело, в периоды слома подобные настроения быстро нарастают. Поэтому в дальнейшем это чувство “поворачивается” в другом направлении (что как раз и означает “ре-сентимент”) и направляется вовне. Если действительно имеется “жертва” — должен быть и “виновник”.

Но не стоит забывать: это всего лишь чувство, поэтому видение себя жертвой превращается в *ненависть* и желание отомстить, пусть даже воображаемому обидчику. Безусловно, в периоды сдвигов это чувство наполняется уже социальным содержанием. Не учитывая таких настроений, нельзя объяснить ни революции, ни репрессий... Ни ксенофобию, ни тоталитаризм...

Не удивительно, что в Украине это чувство пробудилось в эпоху преобразований. Ведь массовое выпадение из привычной жизни сильнее всего

подталкивало к видению себя жертвой и поиску виновных. И отдельно следует отметить уже упомянутую бедность. Или, лучше сказать, способ ее восприятия, ведь опять-таки речь идет о чувстве. Для людей, действительно испытывавших нужду, неприятно было видеть и тех, у кого все выглядело довольно неплохо. Не из числа каких-то “олигархов” и богачей, а из “обычного” люда, особенно, если это знакомые или соседи, которые, казалось бы, ничуть не лучше тебя; ну разве что чуть более расторопные и работающие. Это болезненное чувство исходит, разумеется, из представления о равенстве, сформировавшегося в прежней, еще советской эпохе. Собственно речь тут идет не о равенстве в правах и возможностях (как в западном видении), а о равенстве в доходах и, соответственно, уровне жизни.

Здесь сразу заметно, что неудовлетворение не может не обратиться вовне, на кого-то другого. Кстати, к советскому наследию нужно отнести и представления о богатых, которые в первую очередь и “виновны” в положении бедных, но, в конечном счете, такие настроения характерны не только для старшего поколения. Ведь нетрудно вспомнить и известные сюжеты, когда дети наблюдают, как ровесники приезжают в школу на роскошных авто или щеголяют своими вещами.

Наверное, это была самая болезненная и неожиданная для людей черта уже новой эпохи. Невиданное доселе имущественное и социальное расслоение. Оно стало гораздо более ощутимым, если учесть упомянутое толкование равенства. Не удивительно, что здесь действительно возникло это ощущение себя “жертвой” и стремление хоть как-то, но отомстить. Казалось, не нужно искать и “виновника”. Это, понятное дело, богачи... Но вспомним, что произошли глубочайшие общественные изменения, и это было бы невозможно без осознанного желания и действий *властей*. — На них теперь и обращается недовольство.

К слову, нужно вспомнить и отмеченное уже пренебрежение к власти, издавна свойственное украинцам. Ведь длительное пребывание в империи склоняло к ощущению, будто бы власть всегда чужая, так что сейчас ее в первую очередь обвиняют и ненавидят... Но сугубо материальные, так сказать, мотивы этого вопроса вполне очевидны. Недаром все обвинения сводятся к тому, что “власть” постоянно “крадет” и “наживает” и немислимо “коррупцирована”. Поэтому продолжает обогащаться (явно за наш счет), а мы становимся еще беднее.

И наконец о выборах. Ведь это, пожалуй, единственный довольно безопасный повод отомстить-таки власти. Однако важно отметить, что касается это не только самых бедных и недовольных людей, поскольку при нынешней жизни уже никто не чувствует себя вполне спокойно, и неудовлетворены (или по крайней мере обеспокоены) почти все. Поэтому естественно, что огромная масса населения адресует свои обвинения именно властям, голосуя против них. Возникает ситуация, когда, казалось бы, выбирая между отдельными кандидатами, наши избиратели (осознанно или неосознанно) на самом деле лишь хотят отстранить уже известных руководителей, находящихся при власти и пытающихся остаться при ней. Поэтому сразу видно, что не так уж и важно, “за кого” голосовать, — это в действительности голосование не за кого-то, а именно *против*... А конкретно — против нынешней власти.

Более того, против власти вообще в ее простом и размытом понимании. Чтобы в этом убедиться, стоит сразу же вспомнить об уже знакомой тенден-

ции, когда во власть идут артисты, спортсмены, военные, журналисты, активисты... даже те, кто неожиданно стал известным: это скрытое желание нашего избирателя хоть как-то, но избавиться от власти.

Но настоящих апофеоз и подтверждение этого настроения — это, разумеется, избрание на должность президента (!) не просто, скажем так, актера, а именно комика. Вспомним: фигура “шута” издавна воспринималась как противовес власти... Это отмечает, например, М.Бахтин... “В шуте все атрибуты царя перевернуты, переставлены с ног на голову” [Бахтин, 2010: с. 397]. То есть только что обретенная власть очень быстро исчезает (по законам жанра), ибо комик в виде “президента” волей-неволей и дальше остается всего лишь комиком.

Но сейчас уже никому не смешно. Ведь в конечном счете оказывается, что власть — это не столько конкретные персоны, сколько принципы и институты. Четко определенный и выполняемый порядок, одним словом — *государство*. И каждая попытка насолить или отомстить “властям” будет еще больше ослаблять и без того слабое государство. И все это в период слома, когда критически необходима определенная государственная стратегия. Нельзя не заметить, что дела только ухудшаются и нарастает хаос. Получается, что все, кто хотел отомстить именно “власти”, создали еще больше проблем для общества в целом, и прежде всего для себя, ведь в основном это наиболее уязвимые слои населения.

В действительности это и было голосование *против* всех. И не только против людей “официального”, так сказать, вида. — Против всех признаков официального вообще. Это, по-видимому, нечто более существенное, нежели выборы. Кстати, и сама формула “против всех” является не только позицией на выборах, но и частью весьма распространенного выражения “война всех против всех”, которое использовал Томас Гоббс в своем “Левиафане”. Это состояние было хорошо известно на Западе. И возникло оно на исходе феодализма, когда огромные массы людей выпадали (что-то знакомое) из привычного для них существования. Чтобы избежать хаоса и беспорядков, важно было найти необходимое устройство общества.

Именно тут и появляется *государство* в его современном понимании, то есть речь идет о государстве, собственно, западного образца, и это нужно подчеркнуть, ведь привычные для нас представления о государстве формировались во времена пребывания в империи, происходившей от азиатской деспотии.

Конечно же, и государство на Западе имеет крепкую “монополию на насилие” (вспомним о формуле Макса Вебера). Но тут есть и неоспоримое отличие, ведь привычное для нас “азиатское” государство действует посредством принуждения и насилия, чтобы подчинить население, — тогда как “европейское” по сути государство должно опираться на *право*, так что если оно и применяет силу, то скорее для того, чтобы в дальнейшем обеспечить действие права. И в частности, чтобы защитить права конкретного, то есть любого человека.

Это суждение может показаться сомнительным, ведь мы привыкли считать государство чем-то и в самом деле насильственным и чуждым. Кроме того, нужно отметить и марксистские, очень глубоко усвоенные нами тезисы о насилии в его природе. Но вспомним: наше видение формировалось в течение длительного пребывания в империи, под азиатской деспотией. Кстати, отсюда и исходит желание хоть как-то, но отомстить “власти”...

Впрочем, в случае уже *своего* государства подобное желание становится угрожающим и разрушительным, поскольку усиливает хаос и подталкивает к безвластию. На это и рассчитывает деспотия на востоке, стремящаяся любой ценой восстановить свой образ империи.

Здесь сразу всплывает весьма острая дилемма. — С одной стороны, мы действительно очень критично настроены к властям, однако, с другой — без этого своего государства (причем достаточно сильного) мы не сможем устоять и тогда вновь попадем под ярмо к соседу на востоке. Решить это противоречие можно только, учитывая важное различие между европейским и азиатским государствами... И выбрать, без сомнения, *европейское*.

К тому же европейские принципы власти для нас и впрямь более естественны. В отличие от азиатской деспотии, которая просто была предназначена для насилия, на Западе признали, что человек имеет права и свободы (или “вольности”, говорили когда-то у нас). И это считалось чем-то неоспоримым и само собой разумеющимся. Не удивительно, что свобода, — к примеру, у Джона Локка, — представляется как “состояние, свойственное всем людям по природе” [Лок, 2001: с. 131]. В определенной мере такое видение напоминает нам нечто украинское.

Но, конечно, свобода не дается “по природе”, потому как в самом деле возможна лишь в определенных условиях. И прежде всего нужно говорить о таком устройстве государства, где права и свободы не нарушаются, а защищаются. Ведь государство, по Гегелю, “есть не что иное, как организация понятия свободы” [Гегель, 2000: с. 221].

То есть вывод очевиден. Нельзя позволять расшатывать и ослаблять государство... При этом следует избавляться от всех признаков унаследованного от империи типа власти. И решительно приближаться к современному, то есть западному образцу, когда государство предоставляет защиту и возможности для каждого. Только так у “обычного” человека может возникнуть чувство, что это государство действительно свое.

Источники

Бахтин, М.М. (2010). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. В М.М.Бахтин, *Собрание сочинений в 7 тт.* (т. 4(2), сс. 7–508). Москва: Языки славянских культур.

Вебер, М. (2018). *Протестантська етика і дух капіталізму*. Київ: Наш формат.

Гегель, Г.В.Ф. (2000). *Основи філософії права, або Природне право і державознавство*. Київ: Юніверс.

Гоббс, Т. (2000). *Левіафан, або Суть, будова і повноваження держави церковної та цивільної*. Київ: Дух і Літера.

Дюркгайм, Е. (2002). *Первісні форми релігійного життя: Тотемна система в Австралії*. Київ: Юніверс.

Еліас, Н. (2003). *Процес цивілізації. Соціогенетичні і психогенетичні дослідження*. Київ: Альтернативи.

Лок, Дж. (2001). *Два трактати про врядування*. Київ: Основи.

Маркс, К., Енгельс, Ф. (1959). Маніфест Комуністичної партії. В К.Маркс, Ф.Енгельс, *Твори в 50 тт.* (т. 4, сс. 405–441). Київ: Видавництво політичної літератури УРСР.

Ніцше, Ф. (2002). *По той бік добра і зла. Генеалогія моралі*. Львів: Літопис.

Шаап, С. (2015). *Мстива отрута: Ріст невдоволення*. Київ: Видавництво Жупанського.

Получено 23.08.2019

References

- Bakhtin, M. (2010). *Rabelais and His World: Carnival and Grotesque*. [In Russian]. Moscow: LSC Publishing House. [= Бахтин 2010]
- Durkheim, É. (2002). *The Elementary Forms of the Religious Life*. [In Ukrainian]. Kyiv: Univers. [= Дюркгайм 2002]
- Elias, N. (2003). *On the Process of Civilisation*. [In Ukrainian]. Kyiv: Alternatyvy. [= Еліас 2003]
- Hegel, G.W.F. (2000). *Elements of the Philosophy of Right*. [In Ukrainian]. Kyiv: Univers. [= Гегель 2000]
- Hobbes, Th. (2000). *Leviathan or the Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil*. [In Ukrainian]. Kyiv: Dukh i Litera. [= Гоббс 2000]
- Locke, J. (2001). *Two Treatises of Government*. [In Ukrainian]. Kyiv: Osnovy. [= Лок 2001]
- Marx, K., Engels, F. (1959). *Manifesto of the Communist Party*. [In Ukrainian]. Kyiv: Publishing House for Political Literature in Ukraine. [= Маркс 1959]
- Nietzsche, F. (2002). *On the Genealogy of Morality: A Polemic*. [In Ukrainian]. Lviv: Litopys. [= Ніцше 2002]
- Schaap, S. (2015). *Het Rancuneuze Gif: De Opmars van Onbehegen*. [In Ukrainian]. Kyiv: Zhupansky Publishing House. [= Шаап 2015]
- Weber, M. (2018). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. [In Ukrainian]. Kyiv: Nash Format. [= Вебер 2018]

Received 23.08.2019

СЕРГІЙ ТАРАДАЙКО

Проти всіх

*На прикладі ставлення до виборів описано сучасну ситуацію в Україні. Визначальною стає теза про перехідну добу сьогодення, причому за багатьма різними вимірами. Не дивно, що люди випадають з узвичаєного порядку й почуваються невпевнено. Тож одразу спрацьовує відомий механізм, описаний у Ніцше як *ressentiment* — хворобливе відчуття себе жертвою та спрямування ненависті на когось іншого, бажання знайти “винуватого”. Звичайно, ним у нашому випадку стає “влада”. Тоді вибори перетворюються на спробу хоча б якось її помститися. Щоб усунути вже знайомих її персон, обирають (неперебірливо?) кого завгодно, проте згодом виявляється, що влада — це не персоні. Це принципи й установи. Тому такого роду голосування лише руйнує державу й, по суті, спрямоване “проти всіх”.*

Ключові слова: вибори, перехідна доба, *ressentiment*, імперія, держава

СЕРГЕЙ ТАРАДАЙКО

Против всех

*На примере отношения к выборам, описана нынешняя ситуация в Украине. Ключевым становится тезис о переходном характере нашей эпохи, к тому же во многих отношениях. Понятно, что люди выпадают из обычного порядка и чувствуют себя неуверенно. Сразу включается известный механизм, описываемый у Ницше как *ressentiment* — болезненное видение себя жертвой и обращение ненависти на кого-то другого, стремление найти “виновного”. Конечно, в нашем случае им оказывается “власть”. Тогда выборы становятся попыткой хоть как-то ей отомстить. И чтобы убрать уже знакомых ее персон, избирают кого попало, но позднее выясняется, что власть — это не персоні. Это принципы и учреждения. Такое голосование разрушает само государство и направлено, в сущности, “против всех”.*

Ключевые слова: выборы, переходный период, *ressentiment*, империя, государство

SERHIY TARADAJKO

Against all

The attitude to the election serves as an example to highlight the current situation in Ukraine. What becomes decisive is the thesis of our epoch having a transitional character, moreover, in many respects. Obviously, people fall out of the usual order and feel uncertain and insecure. This immediately triggers a well-known mechanism that Nietzsche refers to as resentment. It is a painful feeling of being a victim and hatred turned to someone else, a desire to find a "guilty" one. In our case it is, certainly, the authorities which are to blame. Therefore the election appears an attempt to avenge them somehow. In order to remove such familiar persons, people elect anybody in the street, but eventually it turns out that authorities do not mean any persons. They rather mean principles and institutions. Such voting destroys the state itself and is directed, in essence, "against all".

Key words: elections, transitional period, resentment, empire, state